

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук**

TERRA EURASICA:
к 60-летию академика Б. В. Базарова

Иркутск
Оттиск
2020

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
Т35

Утверждено к печати Ученым советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН»

Ответственные редакторы:

чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин,
д-р ист. наук, проф. Л. В. Курас

Рецензенты:

д-р ист. наук А. М. Плеханова
д-р ист. наук, проф. В. Д. Дугаров
д-р ист. наук, проф. Е. И. Лиштованный

Т35 Terra Eurasica: к 60-летию академика Б. В. Базарова: Сборник научных статей / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. – 300 с.

В сборник включены статьи, подготовленные к 60-летию юбилею академика Б. В. Базарова. Рассматривается широкий круг проблем всемирной и отечественной истории, начиная от первобытной археологии до современных вопросов экономической интеграции на евразийском пространстве. Большое внимание уделено Байкальской Азии, истории Монголии.

Книга предназначена для историков, специалистов в области общественных и гуманитарных наук, а также всех интересующихся вопросами отечественной и всемирной истории.

ISBN 978-5-6045121-3-5

© ИМБТ СО РАН, 2020
© Б. В. Базаров, 2020
© Н. Н. Крадин, 2020
© Л. В. Курас, 2020

УДК 94
ББК 63.3

А. В. Головнёв

Перевод кочевников на оседлость: ревизия идеи

Аннотация. Автор рассматривает истоки, мотивы и имплементации идеи «перевода кочевников на оседлость», которая считается аксиомой оседлых культур. Она уходит корнями в эпоху военно-политического доминирования кочевников, своими набегам и завоеваниями заслуживших немало проклятий со стороны жителей покоренных стран, в том числе хронистов, писавших историю и создававших «исторические образы». Под пером историков разных эпох, от Геродота до Броделя, кочевник предстаёт «варваром», лишенным права на историю. На этом основано моральное право государств на седентаризацию кочевников. Декорированная лозунгами прогресса и просвещения, политика перевода на оседлость на самом деле исходила из стремления подчинить непокорных кочевников, лишив их главного преимущества – мобильности. Для этого в СССР целенаправленно устраняли кочевых вождей и сокращали поголовье скота. В результате форсированной седентаризации, совмещенной с коллективизацией, многие кочевые сообщества действительно осели. Кризис социалистической государственности дал толчок обратной тенденции, наиболее ярко проявляющейся в развитии кочевничества на Ямале и в Монголии. Кроме того, номадизм сегодня в тренде благодаря «мобильному повороту», происходящему в современном мире.

Ключевые слова: кочевники, седентаризация, номадизм.

Еще недавно кочевой образ жизни рассматривался как архаизм, с которым (в стиле модернизационных концепций XX в.) следовало поскорее покончить путем «перевода кочевников на оседлость». Стремление взять под контроль миграции и территории номадов, наряду с убежденностью в их культурной отсталости, настраивало чиновников разных стран, в том числе СССР, на строительство городов, поселков, культбаз, школ-интернатов для оседания кочевников. И только завидное упорство и приверженность собственным ценностям позволили некоторым кочевым сообществам устоять перед административными нажимами и соблазнами оседлости. С эпохи Просвещения, и особен-

но в XX столетии, кочевники стали мишенью военных операций, административно-политических и идеологических кампаний, нацеленных на их утеснение и подавление. Создается впечатление, что оседлый мир основательно настроился на реванш за многовековой страх перед кочевниками.

Реквием по кочевникам

Письменная история полна проклятий в адрес кочевников, что неудивительно, поскольку писали историю люди оседлые, по большей части храмовые и государственные летописцы. В Средние века страх перед кочевниками был силен настолько, что слух об их приближении вызывал у горожан психоз, а иногда побуждал к массовому суициду, как это случилось при осаде монголами Пекина, когда женщины во избежание плена бросались с городских стен¹.

В свое время Геродот не жалел красок, хуля правление в Мидии скифов, которые «своей наглостью и бесчинством привели там все в полное расстройство. Ведь, помимо того, что они собирали с каждого народа установленную дань, скифы еще разъезжали по стране и грабили все, что попадалось»². Описание гуннов Аммианом Марцеллином можно отнести к жанру ужасов эпохи Великих миграций: «Племя гуннов... обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит своей дикостью всякую меру... они доживают до старости без бороды, безобразные, похожие на скопцов. Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, они имеют чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей... Легкие и подвижные, они вдруг специально рассеиваются и, не выстаиваясь в боевую линию, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство... Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь... Когда нет войны, они вероломны, непостоянны... во всем полагаются на дикую ярость»³.

Эллинам и римлянам вторили жители Поднебесной, которым кочевники хунну представлялись силами тьмы инь. В китайской астрологии им отведена планета Меркурий (чэнь-син), которая ассоциировалась с севером, зимой и войной. В описаниях древнекитайских хронистов хунну предстают неотесанными и жадными

¹ Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М.: «Институт ДИ – ДИК», 1997. С. 243.

² Геродот I. С. 106.

³ Аммиан Марцеллин. Римская история. М.: Ладомир, 2005. С. 538, 539.

варварами, имеющими «лицо человека и сердце дикого зверя»; «у племени сюньюй нет почитания старших, у них дикое сердце»¹.

Божьей карой выглядят половцы в русских летописях: «Это Бог напустил на нас поганых..., чтобы мы воздержались от злых дел. Наказывает он нас нашествием поганых; это ведь бич его, чтобы мы, опомнившись, воздержались от злого пути своего»². Нашествие татар также объявлялось «батогом Божьим, вразумляющим грешников, чтобы привести их на путь покаяния». «Придоша безбожнии Измаилтяне, прежде бившеся со князи Рускими на Калхом. Бысть первое приход их на землю Рязанскую, и взяша град Рязань копьем..., убиша Юрья князя и княгиню его, и всю землю избиша, и не пощадеша отрочат до сосущих млека»³.

Демонический образ кочевников на все лады расцвечивали и тиражировали европейские путешественники: «[При въезде во владения монголов] мне показалось, что мы переступили ворота ада»⁴. «[Татары] пошли против России и произвели великое избиение в земле России, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей России, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, как мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве»⁵.

В интонациях ужаса описывались не только степные орды, но и «кочевники моря». Языческим злом, обрушившимся на христианский мир, церковь называла скандинавских викингов. Сподвижник Карла Великого английский богослов Алкуин сеял страх после погрома норманнами монастыря св. Кутберта на острове Линдисфарн 6 июня 793 г.: «Уже почти 350 лет мы и наши отцы живем в этой прекрасной стране, и никогда прежде в Британии не бывало такого ужаса, какой ныне мы терпим от этого языческого рода, и никто и не помышлял о том, чтобы с моря можно

¹ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 2. М., 1975. С. 284. Прим. 132. Т. 6. М., 1992. С. 277.

² Повесть временных лет. М., 2003. С. 67.

³ Ипатьевская летопись, 1237 г.

⁴ Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы: Гылым, 1993. С. 93.

⁵ Плано Карпини, Иоанн де. История монгалов, именуемых нами татарами // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы: Гылым, 1993. С. 41–42.

было совершить подобное нападение». Вскоре в Европе сложилась молитва «От ярости норманнов избави нас, Боже»¹.

Кочевников неизменно называли «варварами», а в эпоху Просвещения и классической философии настойчиво выводили за рамки истории цивилизации, благо к тому времени огнестрельное оружие и регулярные армии положили предел былому всемилию номадов. Г. В. Ф. Гегель отказывал кочевникам в праве на историю: «Следует различать, с одной стороны, спокойную жизнь номадов, а с другой стороны – их непрочные завоевания. Эти народы сами не настолько развились, чтобы у них существовала история»².

Неприятие кочевников сквозит даже у масштабно мыслящих европейских историков новейшего времени: «Общество кочевников является обществом, у которого нет истории», – утверждал А. Тойнби³. Империя Петра I положила конец «большой судьбе» кочевников; «порох и пушки одержали верх над их быстротой», и кочевники предстали тем, что они есть на самом деле, – «бедными группами человеческих существ», – резюмировал Ф. Бродель; по его оценке, номадизм – абсурдный, хотя и резонансный, случай «длительного паразитизма, который, однако, безвозвратно миновал»⁴.

Философия постмодерна, осознавшая потребность в номадологии, подтвердила эту патологическую неприязнь: «история никогда не понимала номадизма», «всегда отбрасывала кочевников», и «даже археология не избавлена от определенной ненависти или презрения к кочевникам»; соответственно, номадология существенно «оппозиционна истории»⁵. Ж. Делез и Ф. Гваттари видят отличие номадологического номоса (*nomos* – «порядок») от аппаратно-государственного логоса (*logos* – «смысл»). «Кочевую науку» (номадологию), которая обычно рисуется как донаука, околонука или субнаука, они считают ключом к феномену номадизма, который по своей природе направлен против государственного аппарата и порядка. Абсолютная мобильность позволила кочевникам создать «машину войны», которая наиболее полно реализовалась

¹ Сойер П. Эпоха викингов. СПб.: Евразия, 2002. С. 7.

² Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. С. 144.

³ Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. С. 186.

⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. С. 112.

⁵ Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 1987. P. 23, 394, 405.

в «варварских» скоплениях кочевых воинов: «Номады изобрели машину войны в противовес государственному аппарату». В ее сущности заложена исконная для кочевника стихия открытого пространства и стремление к овладению этим пространством. Кочевая машина войны была изобретением абсолютной скорости и стала «синонимом скорости». Она враждебна государству и направлена против него¹.

В номадологии Ж. Делёза и Ф. Гваттари, несмотря на ее повышенное внимание к кочевникам и их движению, сохраняется нечто зловещее, передающее не то наследственный страх перед степными всадниками, не то ожидание нового нашествия. Создается впечатление, что она ориентирована не на позитивное применение «кочевой науки», а на нейтрализацию с ее помощью духа номадизма.

Идеи и мотивы седентаризации

Опальный номадизм повсеместно испытал тотальный натиск и уцелел на окраинах мира лишь благодаря своей исключительной адаптивности и мобильности. С разной степенью решительности кочевников теснили и искореняли в Афганистане, Иране, Турции, Иране, Ираке, Саудовской Аравии, СССР, Египте, Кении, Танзании, Камеруне, Габоне, Норвегии, Швеции и других странах². Например, в 1930-е гг. саамы подверглись в СССР – советизации, в Швеции – шведизации, в Норвегии – норвегизации, с опорой на убеждение: номадизм есть «исторический пережиток», чья естественная смерть – ибо «слабый всегда уступает сильному» – дело времени³.

Во всех странах целыми седентаризации провозглашалось благосостояние, просвещение и развитие отсталых кочевников, но по существу речь шла о благополучии и безопасности не номадов, а государств. Кочевники всегда были самоуправляемы, следовательно, с точки зрения государств, неуправляемы или труд-

¹ Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 1987. P. 355–372, 418, 430.

² Hele K. Native people and the socialist state: the native populations of Siberia and their experience as part of the Union of Soviet Socialist Republics // Canadian Journal of Native Studies. Vol. 14. 1994. № 2. P. 251–272; Chatty D. Mobile pastoralists: development planning and social change in Oman. New York: Columbia Univ. Press, 1996; Blench R. «You can't go home again»: Pastoralism in the new millennium. London: ODI, 2001; Matsuura N. Visiting patterns of two sedentarized Central African hunter-gatherers: Comparison of the Babongo in Gabon and the Baka in Cameroon // African Study Monographs. Vol. 30. 2009. № 3. P. 137–159.

³ Paine R. Herds of the Tundra: A Portrait of Saami Reindeer Pastoralism. Washington and London: Smithsonian Institution Press, 1994. P. 158.

ноуправляемы; иногда государство контролировало кочевников через посредников в лице специально выпестованной (полу) оседлой элиты. Дополнительные неудобства для государств создавали трансграничные кочевья номадов, проходившие в местностях, где пограничных застав было мало, а кочевого простора много; другими словами, в руках кочевников оказывался ключ от границы, что при их своеволии (а иногда и бунтарстве) несло риски государственной безопасности.

По наблюдениям Б. В. Андрианова, оседание неоседлого населения мира предопределялось рядом объективных обстоятельств, в том числе экологией: «пастбища – уязвимая и хрупкая биосистема, где гораздо раньше, чем в земледелии, проявляется диспропорция между численностью населения, поголовьем скота и емкостью угодий»; пастбищное скотоводство тяжело переживает климатические колебания и периодические засухи; «так, страшная засуха 1968–1973 гг., поразившая в Африке страны Сахеля от Мавритании до Эфиопии, стала причиной того, что сотни тысяч кочевников бежали на юг в крупные города, а десятки (а возможно, и сотни) тысяч беженцев погибли от голода». Кроме того, в Северной Африке, Марокко, Алжире, Тунисе и Ливии наблюдается интенсивный перевыпас; оседанию кочевников-скотоводов способствует бурное развитие нефтяной промышленности. «В Турции среди юрюков перекочевки со всей семьей сменяются сезонным пастушеским отгонным скотоводством, когда на летние пастбища уходят только несколько мужчин-пастухов и женщин, а остальные члены семьи остаются на постоянных поселениях в оседло-земледельческой зоне. В пустынях Северной Африки и Юго-Западной Азии в прошлом была развита караванная торговля солью, зерном и т. п. В этой торговле участвовали отдельные группы кочевников-верблюдоводов. С развитием автомобильного транспорта значение караванной торговли резко сократилось»¹.

В СССР было принято видеть непреодолимые различия между капитализмом и социализмом во всем, включая положение кочевников и пути их перевода на оседлость. В. В. Грайворонский полагал, что при капитализме «в первую очередь вынужденно переходит к оседлости беднота, разорившиеся скотоводы-кочевники», тогда при социализме оседание выступает как «результат целенаправленной и планомерной политики ..., направленной на всемерное улучшение... положения населения». Вместе с тем «с точки

¹ Андрианов Б. В. Неоседлое население мира. М.: Наука, 1985. С. 246–248.

зрения всемирно-исторического прогресса такие древние формы материального производства, как кочевое и полукочевое животноводство, уже давно исчерпали потенции для собственного внутреннего развития»¹.

Советский императив оседлости исходил из аксиомы: кочевникам не место в социализме по причине их отсталости и приверженности косным традициям. Помимо прочего, кочевниками сложно управлять: они при любых обстоятельствах всеми средствами противятся подчинению и отстаивают свою независимость (как это показали еще в царское время непокорные ненцы и чукчи). Советская власть с первых дней демонстрировала стремление «осадить» (в прямом и переносном смысле) кочевников казахов, киргизов, калмыков, упорно уходивших от контроля, пересекавших государственные границы, игнорировавших идеалы революции и классовой борьбы.

В советскую эпоху хватало знаний для многоплановых интерпретаций культурных и общественных явлений. Часто наши сегодняшние представления об ограниченном единомыслии советского времени есть не что иное как ограниченность наших собственных представлений. Углубленные исследования всякий раз выявляют широкий диапазон мнений и наблюдений, создающих картину обширного дискуссионного поля, перекрываемую резкими политическими действиями вроде репрессий и иных гонений. Следующая сцена вновь рисует дискуссию и ее пресечение. Иначе говоря, действительность была полна различных мнений и их столкновений, но сглаживающая углы историография, подобно катку, задним числом выравнивала картину до единомыслия. Впрочем, эта динамика рождает другой вопрос: что делало одну позицию победной, а другую проигрышной, и как сочетаются или различаются в ней глубинная мотивация и декоративная идеология?

Многие советские политики брали на веру тезис о несоответствии кочевничества и социализма, хотя от широко дискутировавшейся концепции кочевого феодализма до интригующей идеи кочевого социализма, казалось бы, всего лишь шаг. Впрочем, пафос единомыслия – по большей части дело рук историков и историографов. Например, М. Х. Шаумян, защищавшая в 1960-е гг. диссертацию по истории КПСС, без тени колебаний утверждала применительно к идеологии 1930-х годов: «Кочевая форма хозяйства

¹ Грайворонский В.В. От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР). М.: Наука, 1979. С. 70–71, 153–154.

по своей природе несовместима с социализмом», из чего следует «историческая необходимость организованного оседания кочевников»¹. Между тем заявленная идеология о несовместимости социализма и номадизма звучала адекватно лишь в зале заседаний диссертационного совета. В том же 1962 г. та же фраза вызвала бы всплеск негодования у оленеводов-передовиков Ямала или Чукотки. И применительно к 1920–1930-м годам, на которые она была экстраполирована, ситуация выглядела не столь однозначно.

В Казахстане, главной кочевой территории СССР, которой посвящена диссертация М. Х. Шаумян, безусловно, были люди, говорившие и писавшие об экономической и культурной отсталости кочевников. Наряду с ними были специалисты, размышлявшие и писавшие о кочевниках с позиции экономической реальности и социального партнерства. Эта позиция ориентирована на практическое использование человеческих и культурных ресурсов, исходя из веками сложившегося природно-социального взаимодействия.

В 1920-е гг. Статистическо-экономическим отрядом Казахской экспедиции АН СССР руководил Сергей Порфирьевич Швецов, в прошлом народник и эсер из дворян, затем сотрудник Комиссии по изучению племенного состава при Академии наук и Отделения статистики РГО. Он основательно занимался этнографией и знал, что случающееся временное оседание кочевников бывает следствием сокращения стад, в частности из-за потрясений революции и гражданской войны, а также видел реальную перспективу кочевников ввиду необходимости дальнейшего освоения степей. Ему принадлежит этнографически убедительное и идеологически крамольное высказывание по поводу перевода кочевников на оседлость: «Устраните это периодическое передвижение скота по степи – и казаку (казаху – А. Г.) нечего в ней будет делать, так как никакое иное хозяйство здесь невозможно, и степь, кормящая теперь миллионы казакского населения, превратится в пустыню»².

Пятилеткой позже сборник статей, который составлял и редактировал Швецов, не прошел бы цензуры. Более того, вышедший пять лет спустя, в 1931 г., сборник статей «Кондратьевщина в Ка-

¹ Шаумян М. Х. Деятельность Коммунистической партии по переводу кочевых и полукочевых крестьянских хозяйств Казахстана на оседлость (1924–1936 гг.): Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1962. С. 4.

² Казакское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. Ред. С. П. Швецов. [Кзыл-Орда], 1926. С. 100–103.

захстане» содержал осуждение Швецова и его сторонников, разоблаченных во вредительстве, «кондратьевщине» и «чаяновщине» (С.П. Швецов скончался в мае 1930 г., не дожив до репрессий, а Н.Д. Кондратьева и А.В. Чаянова ждала казнь, соответственно, в 1937 и 1938 гг.). Авторы этого сборника подчеркивали, что Швецов и другие «кондратьевцы» делали «ставку на незыблемость скотоводческо-кочевого хозяйства» и поддерживали «кочевание как форму хозяйства, наиболее выгодную для местной буржуазии»¹.

Политико-административная кампания пошла не по сценарию Швецова. Мотивы политиков и администраторов исходили из интересов государства, а не кочевников; соответственно, их стремление обуздать кочевую стихию – даже ценой экономических потерь, человеческих жертв и репутационных издержек – подчинило себе все остальные доводы. С опорой на всепобеждающий марксизм, призывающий к решительным действиям и преобразованиям всех основ, власть по-своему профессионально и умело повела наступление на кочевой мир путем его седентаризации; казахские баи по достоинству оценили эту кампанию, назвав ее «ловушкой»². Разного рода суждения о темном прошлом и светлом будущем служили лишь прикрытием главной цели – торможения движения кочевников путем устранения вождей и сокращения стад (кочевание возможно лишь при наличии крупных стад, которые не только сами движутся быстрее и дальше других, но и задают ритм и амплитуду всей кочевой мобильности).

Удар был рассчитан и нанесен прицельно: начавшаяся в 1929 г. форсированная коллективизация сопровождалась принудительным переводом на оседлость: лишённые значительной части своих стад кочевники нарушили динамику своих миграций резкими переселениями (бегство за границу), снижением скорости и дальности перекочевков; под угрозой конфискации стад (коллективизации) кочевники сами забивали скот, подрывая потенциал своей мобильности и усугубляя свою «классовую» вину. Партийный руководитель Казахстана Ф.И. Голощекин, имея за плечами убийство царской семьи в Екатеринбурге как успешный опыт революционной борьбы с элитой противника, преуспел и в подавлении

¹ Кондратьевщина в Казакстане: Сб. ст. Алма-Ата, 1931. С. 6, 14, 26, 90; Зверяков И. А. От кочевания – к социализму. Алма-Ата; М. 1932. С. 36.

² Алланиязов Т.К., Тауенов А.С. Последний рубеж защитников номадизма: История вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане (1929–1931 годы). Алматы, 2008. С. 145.

казахских баев, справедливо видя в них главную силу сопротивления новой (своей) власти. Творчески преобразовав тезис диктатуры пролетариата в задачу «снабдить рабочих мясом», он развернул в Казахстане кампанию масозаготовок, вылившуюся в 1930 г. в массовое заклание скота. Это происходило вовсе не из-за невежества или чрезмерного революционного рвения; подобные действия революционных вождей были расчетливо нацелены на сокращение радиуса откочевки хозяйств и сбор кочевников в «ячейки социализма» – оседлые «казгородки» (по 500 дворов каждый). «Старый, отсталый, кочевой полукочевой аул умирает, должен умереть. На его место должен прийти, приходит новый ... колхозный аул с поселковым расселением, с европейского типа строениями, с животноводческим хозяйством типа товарных ферм»¹.

Плоды борьбы Голощекина и его сподвижников с кочевниками за три (1929–1931) года выразились в катастрофическом сокращении стад в 7–8 раз – с 40 млн в 1929 г. до 5,5 млн в 1932 г., а местами в их полном истреблении. Незамедлительно последовал массовый голод 1932–1933 гг., унесший до половины кочевников Казахстана².

В сентябре 1932 г. Голощекина отозвали в Москву, и жителям Казахстана показалось, что «наступила свобода». Позднее Голощекин и сам Сталин высказывались в адрес кочевников уже мягче и доброжелательнее, но не потому, что осознали ошибки и пожалели о содеянном, а потому что замысел уже был осуществлен, и очередной поверженный «классовый враг» не представлял угрозы. Голощекину, правда, косвенно воздалось за «номадоцид». После ареста в 1939 г. ему, помимо прочего, инкриминировали перегибы в коллективизации, а в 1941 г. казнили. Как бы то ни было, кочевой мир Казахстана «именем революции» осел.

Сходные траектории оседания кочевников отмечены в 1930-е годы и позднее на Алтае, в Бурятии, Калмыкии, Каракалпакии, Киргизии, Туве и в других «кочевых» районах СССР³. Во многих

¹ Голощекин Ф. И. Три актуальных задачи текущего момента // НХК. 1931. № 8–9. С. 7–16.

² Синицын Ф. Л. Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917–1991 гг. СПб.: Центрполиграф. 2019. С. 119–122.

³ Базаров Б. В. и др. Историко-культурный атлас Бурятии. М.: ДИК: дизайн, информация, картография Москвы, 2001; Самарина Н. Г. Кочевое скотоводство и оседлость тувинцев в советский период // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 4. С. 123–126; Крадин Н. Н. Процессы трансформации скотоводческого хозяйства

зарубежных странах седентаризация приводила к не менее драматическим последствиям, нарушая издавна сложившийся баланс динамики и статики. По мнению Н. Н. Крадина, «опыт трансформации скотоводческих сообществ Азии и Африки и их адаптация к рыночной экономике индустриальных государств в последние столетия (как и к процессу приватизации в нашей стране) показывает, что последствия могут быть не только неожиданными, но и катастрофическими»¹.

Хладнокровный Север

На Севере, как и на Юге, социализм настойчиво требовал перевода кочевников на оседлость. Однако в Арктике и Сибири эта стратегия реализовалась без «кавалерийских атак», со свойственной Северу умеренностью. Свою роль в этом сыграла малочисленность населения и труднодоступность края, а также отсутствие трансграничных миграций, за исключением эпизодических контактов с зарубежными соплеменниками саамов (в Скандинавии) и эскимосов (в Берингии).

Северные апологеты седентаризации тоже не допускали мысли об альтернативной судьбе номадизма, полагая, что помехой в достижении поставленной цели оказывается лишь нерешительность местных администраторов. Показательна, к примеру, риторика одного из последовательных борцов с северным номадизмом Ф. С. Донского, сотрудника Института социологических исследований АН СССР, проводившего целый ряд ответственных экспертиз (по сути больше социологических, чем этнографических), касавшихся ключевых проблем коренных жителей Севера. «Кочевой образ жизни оказывает отрицательное влияние на здоровье людей, на формирование всесторонне развитой личности и социалистического образа жизни населения. Поэтому преодоление его стало одной из неотложных проблем социального развития Крайнего Севера, в условиях же развитого социализма – объективной необходимостью... Ликвидация кочевого образа жизни является частью общегосударственной задачи преодоления существенных различий между городом и деревней»².

в Туве и Забайкалье на рубеже XX–XXI вв. // Этнографическое обозрение. 2016. №2; Горяев М. С., Авлиев В. Н. Политика советской власти по отношению к малым народам Поволжья (на примере калмыков) // Вестник Калмыцкого университета. 2017. №33 (1). С. 14–20.

¹ Kradin N. N. Nomads of Inner Asia in transformation. М.: URSS, 2014. P. 200.

² Донской Ф. С. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. Т. 1. Якутск: Якутский филиал изд-ва СО РАН, 2002; Т. 3. Новосибирск: Наука: 2006. С. 9.

«Кочевой образ жизни значительной части народностей Севера является одним из тяжелых наследий прошлого, ликвидация которого в условиях развитого социализма стала первостепенной задачей. Актуальность решения данной проблемы продиктована постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 февраля 1980 г. № 115 и Совета Министров РСФСР от 1980 г. № 260 «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера», которыми поставлена задача «разработки и осуществления мероприятий по завершению к 1990 г. перевода в районах проживания народностей Севера кочевых семей на оседлый образ жизни, имея в виду обеспечить их полную занятость в общественном производстве, профессиональное обучение с учетом традиций народностей Севера, улучшение бытовых и жилищных условий»¹.

В соответствии с этими установками Ф. С. Донской, как и другие эксперты от экономики и социологии, в ходе и по результатам обследований наставлял местных администраторов: «Однако местные партийные и хозяйственные органы Тюменской области не придали должного значения этому пункту Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, не разработали комплексные социально-экономические мероприятия по завершению перевода кочевого населения на оседлый образ жизни ... Как заявил председатель окрисполкома Н. П. Тишин, в округе вообще не намерены переводить оленеводов на оседлый образ жизни. Такое положение руководство окрисполкома мотивирует стремлением сохранить поголовье оленей»². В Ямало-Ненецком автономном округе сложилась следующая ситуация: «Наличие большого поголовья оленей в личном хозяйстве народностей Севера в настоящее время выступает не только фактором, тормозящим завершение перевода кочевого населения на оседлый образ жизни ... В дальнейшем становлении личного подсобного хозяйства народностей Севера, переведенных на оседлый образ жизни, необходимо ориентироваться на разведение коров, свиней, развитие огородничества»³.

На этом фоне публиковавшиеся в открытой печати размышления этнографов о традициях и многообразии кочевания выглядели инакомыслием, хотя и облекались в осторожные фразы: «В зависимости от типов оленеводства и охоты, а также природных

¹ Донской Ф. С. Указ. соч. С. 199.

² Донской Ф. С. Указ. соч. С. 124, 125

³ Донской Ф. С. Указ. соч. С. 132, 133.

условий характер кочевания и маршруты кочевков у разных групп народов были различны. Для ряда групп чукчей и коряков были характерны «кольцевые» маршруты, для ненцев, энцев, нганасан «ленточные» – зимой на юг, ближе к лесу, где теплее, летом на север, к морю, где меньше гнуса. Для большинства северных народов кочевание было единственно возможной формой жизни... Переход к оседлому образу жизни коренного населения – это длительный и сложный процесс... Сейчас известно несколько способов организации оленеводства для перехода оленеводов к оседлому образу жизни: создание промежуточных баз как переходной формы к оседанию (Чукотский национальный округ), выпас оленей в изгородях (Мурманская область), сменно-звеньевой выпас оленей (Ненецкий национальный округ) и т.п.»¹.

Если в открытых публикациях этнографы предпочитали сдержанный тон, то в докладных записках позволяли себе критику политики перевода на оседлость кочевников-олeneводо: «За последние годы развернулась работа по переводу на оседлость кочевого населения, в связи с чем усиленно ведется строительство домов. Предполагается каждому пастуху, бригадиру построить дом. В некоторых колхозах уже добились того, что часть женщин и детей остались на центральных усадьбах, а их мужья находятся в стадах. Этим мероприятием, которое, кстати, не поддерживается оленеводами, разлучили членов семьи, разорвали единый семейный организм на две части, что явно вредно как для экономики этой семьи, так и для ее моральных устоев. Вредно это и для производства, так как пастухи всегда стремятся к семье, бросают свои стада, приезжают на усадьбу и задерживаются здесь, несмотря ни на какие резоны со стороны руководства колхозов. Чукчи-олeneводы, проживающие на центральной усадьбе, в любой момент готовы возвратиться к кочевому быту, особенно семьи пастухов» (И. С. Вдовин)².

По мнению Б. О. Долгих «... резкая ломка привычных условий быта, сделанная даже с самыми лучшими намерениями, в отношении народов Севера может привести к самым отрицательным результатам. То, что оседлость сама по себе не спасает народы Севера от вымирания, показывает судьба азиатских эскимосов... Поэтому нельзя считать правильной установкой Постановления Совета

¹ Новая жизнь народов Севера. М.: Наука, 1967. С. 66, 67.

² Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1956–1958 годы. М.: ИЭА РАН, 2004. 370 с.

Министров РСФСР от 20 февраля 1960 г. за № 264, которая намечает перевод на оседлость всего населения Севера в 2–3 года... формальное выполнение постановления о переводе всех 12 тыс. семей, осваивающих третью часть территории РСФСР, на оседлость в 2–3 года может принести не пользу, а вред»¹.

Пытаясь увещевать власть, Б. О. Долгих прибегал к доводам об угрозе обороноспособности страны из-за перевода кочевников на оседлость: «...в ряде случаев огульный перевод на оседлость и проводившееся вместе с этим селение в поселки привели к отрыву коренного населения от его промысловых угодий и обезлюдило значительные пространства Севера, которые теперь перестали осваиваться человеком. Стремление превратить огромные пространства советского Севера в безлюдные пустыни опасно и с оборонной точки зрения. Как известно, Север является пограничной зоной нашей страны. Прекращение регулярных передвижений оленеводов и охотников по тундре и тайге, исчезновение в глубинных районах Севера населения, знающего каждую пядь своей территории, может иметь весьма отрицательные последствия для дела обороны СССР с Севера»².

Если лидеры ленинградской и московской групп этнографов-североведов И. С. Вдовин и Б. О. Долгих рубили сплеча фразами о «вреде» перевода на оседлость и не стеснялись говорить об ошибочности постановления Совета Министров РСФСР, то их молодые сотрудники выбирали обтекаемые выражения, но в том же «ревизионистском» ключе: «Там, где пастухи кочуют без семей, оленеводство быстро падает. Так, в Олюторском районе пастухи живут без семей, поэтому стремятся в поселок, оставляют стада без присмотра и оленей уничтожают волки» (И. С. Гурвич)³. «Однако большая работа по переходу на оседлость коренного населения, связанная с большими затратами на строительство, ведение новых отраслей, в ряде случаев не привели к желаемым результатам... Подвижность в быту и образ жизни хантов остались прежними. Они переезжают с участка на участок семьями, живя там в чумах... Чаше новые дома в поселках стоят пустые и законченные или же в них живут приезжие специалисты» (З. П. Со-

¹ Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1959–1962 годы. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 168–169.

² Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1959–1962 годы. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 169.

³ Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1956–1958 годы. М.: ИЭА РАН, 2004. С. 168.

колова)¹. «Трудно решить вопрос о переводе оленеводов на оседлость. Даже когда будет полностью решена проблема ликвидации бытового кочевания, сохранится кочевание производственное» (А. В. Смоляк)².

Подобными суждениями этнографы нарушали принцип советского единomyслия, благодаря чему, кстати, этнография в СССР считалась зоной свободных дискуссий и даже сдержанной критики классиков марксизма (например, относительно универсальности матриархата и родового строя, специфики «азиатского способа производства», «кочевого/степного феодализма»). Примечательно, что это критическое мышление исходило не из идеологических предпочтений, а из научной эмпирики, основанной на экспертных этнографических разработках. В этом смысле этноэкспертиза опережала развитие фундаментальной академической науки: с момента формулировки первых критических пассажей И. С. Вдовина и Б. О. Долгих оставалось почти три десятилетия до открытой публикации тезиса Б. В. Андрианова: «Всюду и всегда ли необходимо ... полный переход от круглогодичного кочевания отдельных групп населения к оседлости?»³.

Между тем потенциал арктического номадизма в пределах СССР оказался выше степного: по всему циркумполярному поясу продолжали кочевать оленеводы с крупными стадами. В постсоветский период ненцы стремительно нарастили численность стад, сохранив или даже расширив диапазон кочевков. Ни строительство поселков, ни «снегоходная революция» не отменили, а по-своему осовременили арктическую кочевую традицию. Сегодня ненцы представляют собой жизнеспособный очаг арктического номадизма, выдержавший советизацию и продолжающий успешно отвечать на вызовы современности; современный Ямал – центр одновременно крупнотадного кочевого оленеводства и мегаиндустриальной газонефтедобычи⁴.

Номадизм возвращается? (вместо заключения)

Этот же вопрос, хотя и с обратным акцентом, задают названием своей книги «Конец номадизма?» Кэролайн Хамфри и Дэвид

¹ Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1959–1962 годы. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 353.

² Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1963–1980 годы. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 86.

³ Андрианов Б. В. Неоседлое население мира. М.: Наука, 1985. С. 6.

⁴ Головнёв А. В. Кочевники Севера: ментальность и мобильность // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. С. 15–26; Golovnev A. V. Arctic Nomadic Design (The Nenets Case) // Nomadic Peoples. Vol. 24, 2020. № 1. P. 111–142.

Снит¹. Они не романтизируют кочевников – напротив, считают антиисторичным романтический миф о бродячем номаде и предпочитают реалистичный учет конкретных обстоятельств жизни «мобильных пасторалистов» Внутренней Азии. Сопоставляя кочевников Сибири, Монголии и Северо-Западного Китая, авторы рассматривают различные реакции номадов на вызовы меняющегося мира и приходят к неожиданному заключению: кочевая мобильность вполне совместима с урбанизованной современностью. Развивающийся агропасторализм (гибридная форма животноводства и земледелия) снижает подвижность пастухов ввиду расширения посевов огородных и кормовых культур, а также внедрения грузового транспорта для транспортировки воды. Интродукция улучшенных пород еще более ограничивает мобильность, поскольку неместные породы не приспособлены к долгим миграциям и требуют теплого крова зимой. Между тем именно мобильность стада обеспечивает его продуктивность за счет чередования выпаса в нескольких экологических нишах. В свою очередь сокращение мобильности вызвало во многих местах деградацию травостоя из-за перевыпаса. Эти противоречия обозначились с началом экономических реформ в Китае и коллапса СССР. Реакция степняков состояла в переориентации на родственные узы для реорганизации производства и товарообмена, что возобновило традиционные связи. Монголы больше других сохранили пастушеские навыки и, в отличие от территорий России и Китая, обозначили обратный тренд «деседентаризации» – от оседлости к кочеванию, из города в степь. Речь идет о привлекательности выверенной столетиями мобильной системы использования энергетических ресурсов степи. При этом авторы предлагают заменить излишне романтизированное понятие «номадизм» словосочетанием «мобильный пасторализм» и вернуться к осмыслению и использованию его недооцененного потенциала.

Бурное развитие мобильных коммуникаций и современных транспортных средств (включая беспилотники) открывает новые возможности для кочевников в освоении открытых пространств и их ресурсов. Жизнь-в-движении становится по-своему не менее комфортной, чем жизнь-в-покое, а мобильные средства связи открывают доступ ко всему массиву информации и коммуникации. Значительная часть потребностей ныне реализуется онлайн,

¹ Humphrey C., Sneath D. The end of nomadism? Society, state, and the environment in Inner Asia. Durham: Duke Univ. Press, 1999.

и тренд концентрации реальной активности в городах сменяется трендом концентрации виртуальной активности в киберсетях. Иначе говоря, степняк или тундровик, став «сетевиком», становится онлайн участником событий, прежде для него недоступных. Становясь комфортнее и насыщеннее, кочевание сохраняет свои исходные преимущества, высоко ценимые кочевниками: обширность владений с обилием встреч, приключений, наблюдений, а также единение сообщества людей и выпасаемых ими стад лошадей (олений, верблюдов, овец).

Возвращение номадизма заметно не только на Ямале и в Монголии, но и в происходящем сегодня «мобильном повороте»¹. В наши дни номадизм уже не рассматривается как след архаики; напротив, в высокой мобильности видится и исконное свойство человечества, и драйвер его развития, и перспектива прорывных технологий будущего. XXI в. стал свидетелем ренессанса движения, охватившего страны и народы в виде туристического бума, миграционных волн, киберкоммуникаций. Другими словами, неономадизм (новое кочевничество) не просто входит в моду, но и приобретает стратегический вес. Мобильность, включая номадизм, исторически и по сей день является базовым принципом освоения открытых пространств, в том числе степей, пустынь и тундр. Сегодня тема контраста и баланса ценностей и практик номадизма и седентаризма, кочевий и селений, вновь набирает актуальность.

Andrei V. Golovnev

Transferring nomads to settled life: revision of the idea

Abstract. The author examines the origins, motives and implementations of the idea of «transferring nomads to a settled way of life», which is considered an axiom of sedentary cultures. It is rooted in the era of the military-political domination of nomads, whose forays and conquests deserved arrays of curses from the inhabitants of the conquered countries, including the chroniclers who wrote history and created «historical images». Under the pen of historians of different eras, from Herodotus to Braudel, the nomad appears as a «barbarian», deprived of the right to history. This is the basis of the moral right of states to sedentarize nomads. Decorated with the slogans of progress and enlightenment, the policy of transfer to settled life actually proceeded

¹ Urry J. *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-first Century*. L.; NY: Routledge, 2000.

from the desire to subdue the rebellious nomads, depriving them of their main advantage – mobility. In the USSR for this purpose nomadic leaders were deliberately eliminated and the livestock was reduced. As a result of forced sedentarization, combined with collectivization, many nomadic communities actually settled. The crisis of socialist statehood gave impetus to a reverse trend, most clearly manifested in the development of nomadism in Yamal and Mongolia. In addition, nomadism is trending today thanks to the «mobile turn» taking place in the modern world.

Keywords: nomads, sedentarisation, Inner Asia